

Западная действительность и русскіе идеалы.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ И ПОСЛѢДНЕЕ.

Первыя впечатлѣнія по возвращеніи изъ-за границы: наша дѣйствительность, по сравненію съ западною.—Наше преимущество предъ западомъ не въ наличной дѣйствительности, а въ нашихъ идеалахъ.—Русскій идеалъ, какъ онъ опредѣлился въ нашей исторіи и выраженъ славянофилами. — Современная полемика противъ славянофиловъ и ея основныя недостатки.—Три стадіи отпаденія отъ славянофильскаго идеала въ современной западнической интеллигенціи: 1) апологета „человѣчности“ (проф. Виноградовъ); 2) фетишизація „религіозной науки“ (П. Милковъ) и 3) ультрамонтанскія утопіи (Вл. Соловьевъ).—Чему участвовать намъ: полемика западниковъ со славянофилами и каковъ ея окончательный результатъ?—Конкретныя черты православно-русскаго идеала, при его сравненіи съ западною дѣйствительностію.—Заключеніе.

Объединивъ свои заграничныя письма подъ общимъ заглавіемъ „Западная дѣйствительность и русскіе идеалы“, мы тѣмъ самымъ уже заранѣе выразили ихъ основную мысль: мы не сравниваемъ западную дѣйствительность съ дѣйствительностію русскою, — о, нѣтъ, мы далеки отъ этого! Жизнь западныхъ народовъ сплетена изъ такихъ тонкихъ нитей, „устроилась, говоря языкомъ нашихъ славянофиловъ, такъ послушно и согласно съ ихъ уместившими требованіями“, носитъ на себѣ такой отпечатокъ порядка, вышшняго благообразія и даже изящества, что не придетъ и въ мысль сопоставлять ее *по вышности* съ нашихъ „сѣрою“ и будничною дѣйствительностію. Да, *сѣрою*: вѣдь наши „хаты не мазаны“, наша поступь несмѣлая, наша рѣчь неразвязная, у насъ „людей нѣтъ“, вѣры въ себя нѣтъ, да и мало ли еще чего у насъ нѣтъ...

— Ну, какъ вы себя чувствуете въ Россіи? — спрашивали мы одного русскаго гражданина, который долго былъ за-границей и слылъ тамъ за горячаго патріота.

— „Да ничего: привѣтливыя русскія лица, родной говоръ... А только, знаете, порядокъ и вѣншній строй оставляетъ еще желать весьма и весьма многого. Вотъ, наприм., и *по-тамоннему* хотѣлъ было сдать письмо на вокзалъ: оказалось, что почтовое отдѣленіе заперто и во всемъ вокзалѣ, не исключая и буфета, не нашлось рѣшительно ни одной марки. Пустяки, конечно; но вѣдь изъ такихъ пустяковъ слогается вся жизнь, ими держится все настроеніе“... И начинаются длинные рассказы о томъ, что у насъ на Руси портить отвыкшему отъ нея „патріоту“ настроеніе.

„И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ“... О, конечно! Но все же позволительно желать, чтобы даже отечественный дымъ какъ можно меньше ѣлъ глаза. А онъ ѣстъ и нѣкоторымъ, невидимому, разѣдаетъ до страданія. Вотъ послушайте, наприм., что говоритъ одинъ медикъ о своихъ впечатлѣніяхъ послѣ трехлѣтней заграничной „командировки“: „Петербургъ. — читаемъ мы, встрѣтилъ меня угрюмо, грязно, непривѣтливо. Тихо, вяло повезъ меня извозникъ по Обводному каналу. Грязь и вонь. На грязно-желтыхъ, какъ бы прониташныхъ сыростью домахъ на каждомъ шагѣ съ безстыдствомъ выставляется яркая красносинняя выѣска: „*нитейный домъ*““. Только по возвращеніи изъ заграницы замѣчаю я все страшное обиліе этихъ выѣсокъ. Въ одинъ изъ „домовъ“ врывается пьяный рабочій. Худая, нескладная фигура, ситцевая неподпоясанная рубаха, резиновые калоши на босую ногу, мятая фуражка на затылкѣ; изъ пьяной глотки вырывается ругательство“ и т. д. и т. д. ¹⁾). Положимъ, что здѣсь „краски стущены“; но, конечно, и при этомъ предположеніи, на душѣ остается горькій осадокъ.

И однако... однако, даже и на эту сѣрую и неприглядную дѣйствительность возможна иная точка зрѣнія, съ которой разомъ все измѣняется. Предположите, въ самомъ дѣлѣ, что эта „чернота“ нашей дѣйствительности, которая бросается съ перваго взгляда, есть нѣчто такъ сказать „налетное“, поверхностное и исправимое; что подъ этимъ поверхностнымъ и эфемернымъ слоемъ скрыты, говоря языкомъ философовъ, „потенцій лучшей дѣйствительности“, —

¹⁾ *Книжка недели* (ежемесячный лит. журналъ), Янв. 1893 г., стр. 62-3.

идеалы и стремленія, способные преобразовать дурную дѣйствительность или, по крайней мѣрѣ, заставляющіе ее осуждать, какъ именно „дурную“: тогда разомъ все измѣняется — настроеніе становится устойчивѣе и „дымъ отечества“ перестаетъ вѣсть глаза или, точнѣе, вѣсть, но не раздѣляетъ, а прочищаетъ. Добавьте еще къ этому предположенію другое, — что, быть можетъ, та блестящая отполированная внѣшность, которая такъ ласкаетъ и обольщаетъ русскаго человѣка, когда онъ впервые знакомится съ западною дѣйствительностію и которая заставляютъ его такъ безошадно осуждать свою убогую дѣйствительность, — что эта внѣшность, можетъ быть, есть лишь показная сторона, за которою ничегоуже болѣе не скрывается, на которую такъ сказать израсхованы всѣ силы, которою исчерпывается все идеальное содержаніе западнаго человѣка. которую поэтому ему не приходится ни осуждать, ни исправлять, а приходится просто изживать или доживать: и тогда наша дѣйствительность не только перестаетъ раздѣлать глаза, но послужитъ источникомъ многихъ бодрыхъ настроеній и плодотворныхъ указаній на наше реальное дѣло.

Мы пытались показать выше, въ своихъ очеркахъ современной западной жизни, что это послѣднее предположеніе не совсѣмъ лишено основанія, что западная дѣйствительность, не смотря на ея блестящую внѣшность, въ общемъ все-же представляетъ довольно печальную, наводящую на многія серьезныя размышленія, картину пестроеній и заставляющую ожидать многихъ грядущихъ золъ, — „соціального землетрясенія“, окончательнаго религіознаго равнодушія, нравственнаго индифферентизма, если не совершеннаго „одичанія“, а можетъ быть даже и умственной анархіи (вслѣдствіе постепеннаго исчезновенія изъ области мысли идеальныхъ т. е. безусловныхъ руководящихъ началъ). Съ другой стороны, люди, сжившіеся съ народомъ, понимающіе, благодаря своей чуткости и проницательности, его истинныя стремленія, чаянія, и запросы, знающіе „народную душу“, нисколько не смущаясь внѣшнею неприглядностію нашей жизни, продолжаютъ несокрушимо вѣрить въ Россію, въ ея стихійную мощь, идеальные залоги и высокое предназначеніе быть носительницею истиннаго ученія и духа Христова:

Эти бѣдныя селенья,
 Эта скудная природа —
 Край родной долготерпѣнья,
 Край ты русскаго народа,
 Не поймочь и не оцѣнить
 Гордый взоръ иноплеменный,
 Что сквозить и тайно свѣтитъ
 Въ наготѣ твоей смиренной.
 Удрученный ношею крестной,
 Всю тебя, земля родная,
 Въ рабскомъ видѣ Царь небесный
 Исходилъ благословляя...

Итакъ, не паличная наша, все еще слишкомъ несовершенная и убогая дѣйствительность, но таящаяся въ ней залоги лучшаго будущаго, наши возвышенныя мечты и вѣрованія, словомъ наши идеалы, — вотъ что способно и что единственно только и можетъ и должно-бы, не смотра на все искушенія и обольщенія западной дѣйствительности, удерживать русскаго человѣка отъ склоненія предъ тѣми кумирами, предъ которыми все ниже и ниже склоняется западъ и которые грозятъ вовлечь его въ пучину неиспѣльныхъ золь; вотъ что можетъ послужить для него точкой опоры при сужденіи о западной жизни, что можетъ вдохнуть въ него смѣлость не стыдиться своего русскаго имени, не отчаяваться въ своемъ русскомъ дѣлѣ, въ возможности лучшаго будущаго для нашего отечества ¹⁾.

„Русскіе идеалы“: какое возвышенное слово, какъ часто оно повторялось. — то съ восторженнымъ, мистическимъ преклоненіемъ, то со злою и злобною ироніею, — и однако какъ, по-

¹⁾ Когда И. С. Аксаковъ уѣзжалъ (въ 50-хъ годахъ) за границу. С. Т. (отецъ его) писалъ ему между прочимъ: „... Пользы отъ твоего путешествія необходимо будетъ. Ты увидишь своими глазами, до какихъ жалкихъ результатовъ довела пароды такъ называемая цивилизація. Ты спиходительнѣе взглянешь на все наши недостатки и неурядиства и на испорченность общества. У насъ, по крайней мѣрѣ есть будущее, а въ Европѣ его уже нѣтъ“ (И. С. Аксаковъ въ его писемлахъ, т. III. ч. I. Письма 1851-60 гг., М. 1892. стр. 314). У насъ есть будущее, а въ Европѣ его уже нѣтъ; это удивительно какъ мѣтко сказано! У западныхъ народовъ дѣйствительно все какъ будто уже ушло въ прошлое, а мы все еще надѣемся на свое будущее. И дай Богъ, чтобы надежда не обманула насъ...

видимому, неуловимъ и эластиченъ его смыслъ? *Русские идеалы*. — гдѣ ихъ вычитать, кто ихъ подскажетъ, кто научить съ ними сообразоваться?! Какъ часто раздаются эти, повидимому, безнадежные вопросы и, однако, отвѣтъ на нихъ далеко не такъ труденъ и невозможенъ, какъ кажется. Его подсказываетъ намъ наша прошлая исторія, наши „вѣрующіе въ Россію“ просвѣщенные современники (славянофилы) и даже самыя ихъ противники, — своєю полемикою противъ нихъ.

Дѣлаемъ прежде всего историческую справку. Что говорить исторія о тѣхъ, такъ сказать, подсудныхъ силахъ, о той стихійной непрявленной мощи русской народной души, о тѣхъ ея идеальныхъ свойствахъ, которыя служатъ залогомъ лучшей будущности нашего отечества? Она говоритъ намъ, что на всемъ пространствѣ своей исторіи, — съ той самой поры, когда русскіе вмѣстѣ съ другими славянами покинули свою отдаленную восточную колыбель и до послѣднихъ дней, — они проявляли высокія природныя свойства, которыя затѣмъ были укрѣплены, очищены и просвѣтлены православнымъ христіанствомъ: какъ вышло это благородное племя изъ своей колыбели съ „опасливою богобоязненностію“, съ „истинными рѣчами“, „надежною дѣятельностію“, съ любовью къ ближнему и гостепріимствомъ, такъ такимъ и остался, проявивъ сверхъ того, когда потребовали условія жизни и обстоятельства, и другія похвальныя свойства — миролюбіе во время мира, отвагу во время войны, благородную военную гордость, великодушіе къ побѣжденнымъ, истинно-рыцарское уваженіе къ женщинамъ, правдивость, преданность вѣрѣ отцовъ, законной власти и т. д. И при томъ, и это особенно важно, эти свойства свои славяне и особенно русскіе доказали своими дѣлами, почему они и были засвидѣтельствованы не только ихъ друзьями, но и врагами или, по крайней мѣрѣ, такими людьми, которые вовсе не были заинтересованы въ репутаціи славянъ¹⁾.

Не смотря на то, что въ теченіе своей, полной испыта-

¹⁾ См. сводъ свидѣтельствъ о высокіхъ свойствахъ славянъ (Зороастра, Геродота, Проконія, Масуди и др.) у *Листовскаго* въ его трудѣ: „Историческіе итоги“. Спб. 1892. стр. 357—368).

ній, исторіи русскій народъ былъ значительно сдвинуть съ своихъ православно-патріархальныхъ устоевъ, онъ не только сохранилъ свои природныя свойства, но и прояснилъ, осмыслилъ возникающія изъ нихъ безотчетныя, какъ-бы истинно-живныя стремленія, — перевелъ ихъ въ форму конкретныхъ идеаловъ или, точнѣе, созналъ, какъ стороны единого, всеобъемлющаго своего идеала ¹⁾. Этотъ идеалъ всего энер-

1) Нѣкоторыя, съ замѣчательною мѣткостью схваченныя и выраженные черты этого нашего идеала мы находимъ въ недавнемъ очеркѣ *Русскаго Обзорнія* („*Наши идеалы*“ — разговоръ на палубѣ, Февраль текущаго года, стр. 663 - 679). Вотъ сущность этого разсказа въ краткихъ чертахъ. — Ночью на палубѣ черноморскаго парохода *русскій* выясняетъ „*европейцу*“ свои „чумазые“, „безпаспортныя“, ютящіяся по конюшнямъ и курящія избагъ идеалы, въ противоположность съ изящными западными идеалами, которые все „снабжены академическими дипломами“ и „засѣдаютъ въ парламентахъ“. — Вашъ *первый* идеалъ, — говоритъ русскій европейцу, — есть борьба за существованіе, борьба, которая, по вашему, есть будто бы даже идеалъ всей природы: по вашему, „трава въ полѣ и та ведетъ борьбу за существованіе“. По вашему не такъ: борьба не другъ съ другомъ, но съ самимъ собою, — вотъ *нашъ* идеалъ! Этой борьбы не ведетъ трава въ полѣ. Вашъ идеалъ — одолѣть другаго, а нашъ — одолѣть самого себя. — Вашъ *второй* идеалъ — богатство, братья Ротшильды. Мы тоже иногда (къ несчастію стремимся къ наживѣ, но только это у насъ не идеалъ, а мучене земное и путь къ мукѣ вѣчной. Идеалъ же нашъ, параллельный этому вашему стремленію къ богатству, вотъ въ чемъ:

Создалъ, Власть свое имѣнье,
Самъ остался боиъ и голъ.
И собирать на поостреенье
Храма Божьего поволю.

Вашъ *третій* идеалъ — большинство: для васъ истина въ силѣ, а не сила въ истинѣ. Нашъ же народъ совсемъ не понимаетъ „*большинства*“ и не дѣла свои рѣшаетъ не иначе, какъ единогласно: говорятъ, уступаютъ другъ другу и такъ или иначе добиваются единогласія, если не сами по себѣ, то при посредствѣ какого-нибудь всеми уважаемаго старца-дѣда, который рѣшаетъ „по совѣсти“ и „побожьи“. Вотъ почему и наша верховная власть, нашъ царь въ глазахъ народа есть такъ сказать нашъ „*верховный Дѣда*“, облеченный непрекаемымъ нравственнымъ авторитетомъ и „приводящій наши всенародныя разногласія къ единогласію“: намъ не нужно, чтобы онъ прислушивался къ голосу какого бы то ни было большинства, — намъ нужно, чтобы онъ прислушивался только къ голосу своей совѣсти, ибо мы ищемъ мира и правды, а не одолѣнія. — Нашъ *четвертый* идеалъ — полная свобода духа: свобода отъ вѣшнихъ обстоятельствъ тѣхъ, отъ условій времени, „отъ власти разныхъ жизненныхъ засореній“, а главнее отъ собственнаго себялюбія и отъ грѣха. И тутъ

гичнѣ и яснѣ былъ сознать и выраженъ великими пѣ-
студами нашего православно-національнаго самосознанія,
великими охрaтитeлями и возбудителями нашихъ народныхъ
идеаловъ, — славянофилами. „Служить истинѣ и высшей
правдѣ своею правдою“, какъ сказалъ П. С. Аксаковъ,
идти, со смиреніемъ предъ Творцомъ и со вниманіемъ къ

опять таки полная и коренная противоположность между нашимъ идеаломъ
и идеаломъ западнымъ: „мы имеемъ свободу отъ грѣха, а вы намъ сво-
боду грѣха предлагаете“. — Далѣе, вы всё помѣшаны на власти: вы
ужасно властолюбивы; всё въ вамъ такъ и хочется „какъ медку лизнуть“:
власти; такъ у васъ и тянутся къ ней великія „прокаженные руки“; такъ
вы другъ другу и рекомендуете себя въ правители. Не то у насъ. „Нашъ
народъ знаетъ, что никакая власть на всѣхъ угодить не можетъ, что вся-
кая власть закряпощаетъ душу человѣка тому дѣлу, къ которому она
привставлена; что у всякой власти есть несопротивная, противная душѣ че-
ловѣческой, обязанности и потому онъ отъ всякой власти сторонится и
на всякую власть, кромѣ Царя, смотритъ съ нѣкоторымъ даже высоко-
мѣрїемъ, весьма ярко выражающимся въ его поговоркѣ: „Царь жадуется,
да неарь не жадуется.“. Царь это другое дѣло: Царь власть наследствен-
ная, невольная и народъ предъ нею преклоняется, какъ предъ *подвѣнни-
чествомъ*. Оттого мы и къ провинностямъ другихънисходительны, что
власти себя не усомнѣмъ и къ ней не тяглемъ, „но члену оправдатель-
ныхъ у насъ приговоровъ, нѣмцы вывели разсчитать, по которому обществен-
ная советъ въ Россіи будто-бы въ пятьдесятъ разъ *слабѣе*, чѣмъ въ Гер-
маніи; общественная советъ въ Россіи въ пятьдесятъ разъ *строже*, чѣмъ
въ Германіи, только — не къ другимъ, а къ самой себѣ“. — Наконецъ, выс-
шій нашъ идеалъ, который царитъ надъ всеми остальными и изъ котораго
всѣ они вытекають, есть идеалъ религіозный. У насъ, европейцевъ, все
внѣшность и архитектура, — ваша излюбленная *готтика*; а русскій чело-
вѣкъ говоритъ: „церковь не въ бревнахъ, а въ ребрахъ“, т. е. не въ го-
тичeskихъ храмахъ, а въ челоуѣчeskомъ сердцѣ, и убѣждаетъ, что „чело-
вѣкъ родится не для себя“ и даже не для вашей излюбленной пользы ближ-
нему („вы слишкомъ низко берете“, если такъ думаете), а для какихъ
то болѣе высокихъ таинственныхъ и неостигимыхъ цѣлей, — для самаго
Господа Бога. Это выражается въ той покорности, съ которою онъ пере-
носитъ всѣ свои несчастія, выражается въ его взглядѣ и на самую смерть:
смерть, „но убѣжденію нашихъ избл.“, это моментъ, когда Господь Богъ
освобождаетъ челоуѣка отъ обязанности нести ему дальнѣйшую служ-
бу, — „жить Богу служатъ“, говоритъ наша пословица, „Богъ *слово
строитъ*“, говоритъ наша другая пословица и, сообразно съ этимъ, сво-
имъ взяткомъ, нашъ народъ отрицать, что каковы бы ни былъ каждый от-
дѣльный челоуѣкъ, онъ все равно есть живой матеріалъ въ строеніи Бга
живаго. Отсюда и личнотъ челоуѣчeskая является носительницею неволь-
ной воли Божіей: отсюда, далѣе, и то, совершенно непонятное для насъ
уваженіе къ челоуѣчeskой личности, по которому самыя преступники

голосу своей совѣсти, предназначеннымъ свыше путемъ; освящать всякое знаніе глубокою вѣрою; видѣть въ каждомъ человѣкѣ созданіе Божіе, брата по творенію; обнимать своею любовью все человѣчество, а прощениемъ всѣхъ погрѣшности, чтобы, придя такимъ путемъ въ мѣру совершеннаго возраста, теплотою своей вѣры отогрѣть омертвѣвшіе члены еврейской семьи, освѣтить мракъ огустѣвшихъ надъ западомъ заблужденій и невѣрія, представить въ своемъ государственномъ строѣ образецъ христіанскаго царства и послужить для человѣчества источникомъ свѣжихъ нравственныхъ силъ, столь необходимыхъ особенно для современнаго запада: вотъ въ чемъ, по ихъ воззрѣніямъ ¹⁾, состоитъ возвышенный идеалъ Россіи, глубокой смыслъ ея „жизніа“, ея „историческая задача“, долгъ, „миссія“, о которой въ свое время (1854 г.—предъ Севастопольской компаніей) напомнилъ „расскаывшейся Россіи“, въ своемъ вдохновенномъ и мужественномъ призывѣ, незабвенный А. С. Хомяковъ:

Иди: Тебя зовутъ народы!

Даруй имъ даръ *святой свободы*,

Дай *мысли жизнь*, дай *жизни миръ!*

Таковы основныя черты православно-русскаго идеала, какъ онъ опредѣлился въ исторіи нашего самосознанія и выраженъ нашими славянофилами. Если привести этотъ идеалъ къ раздѣльному и ясному выраженію, то, легко замѣтить, что онъ опредѣляется тремя слѣдующими моментами: стремленіемъ къ *національной самобытности*, каковое стремленіе обусловлено не только сознаниемъ русскимъ чете-

представляются нашему народу только несчастными.. Вообще вы, европейцы, и мы, русскіе,—это „два разныя міра“: вы живете для *матеріальной благосостоянія* (вѣдь это — наше любимое слово), а мы живемъ для вѣчности и для *спасенія души* (это—наше любимое слово). Васъ не должны, поэтому смущать наши строгіе законы относительно охраненія нашей плѣлости: вѣдь наши духовный ремнигъ, наши идеалы остаются все еще пока не вполне понятыми и даже созданными, а вы „емушцаете насъ всякими своими дьявольскими соблазнами“ (passim).

¹⁾ Ср. у *Листовскаго*, ор. cit., стр. 390 и слѣд.

вѣкомъ своей мощи, но и *природнымъ идеализмомъ* русскаго міросозерцанія (предрасположеніемъ къ *идеальной наукѣ*, т. е. философіи), а этотъ идеализмъ, въ свою очередь, укрѣпляется и просвѣтляется вѣрою въ истину *православія*. Итакъ, *національная самобытность, идеализмъ* мысли и всего настроенія и *вѣра въ истинность православія*, — вотъ конститутивные элементы трехосновнаго русскаго идеала.

Тутъ, однако, мы встрѣчаемъ цѣлыя тучи возраженій, направленныхъ къ разрушенію этого идеала. Мы оговсюду слышимъ, что онъ неосуществимъ, такъ какъ страдаетъ неопредѣленностью; что, при строгомъ анализѣ, онъ будто бы „разбивается въ куски“, разрѣшается въ такіе элементы, которые или совершенно утрачиваютъ свою цѣнность и просто превращаются въ ничто, или, — что еще хуже, — обращаются въ „грѣхи и болѣзни“. „Вырожденіе славянофильства“¹⁾, „Разложеніе славянофильства“²⁾; эти и подобныя темы очень популярны въ современной литературѣ, сдѣлались чуть не манією своего рода. И странное впечатлѣніе производитъ эта полемика противъ славянофиловъ! Двѣ черты особенно поражаютъ въ ней: во-первыхъ, крайняя смутанность точекъ зрѣнія, влѣдствіе чего къ славянофиламъ относятся иногда такіе мыслители, которые и сами едва ли признали бы свою солидарность и генетическую связь съ ними, а главное едва ли были бы признаны славянофилами (Ярошъ и К°, Катковъ, да вѣроятно и самъ Леонтьевъ); во вторыхъ, эта полемика въ большинствѣ случаевъ ведется такимъ высокоумно-развизнымъ тономъ и заключается такими жесткими и тяжеловѣсными приговорами, на которые никакъ не уполномочиваютъ приводимые противъ славянофиловъ обвиненія и доводы. Все это, впрочемъ, понятно. Когда въ послѣднее время у насъ обнаружился во всѣхъ сферахъ жизни быстрый и рѣшительный поворотъ къ прежнимъ православно-патріархальнымъ устоямъ, было

1) Вл. Соловьевъ: Славянофильство и его вырожденіе (см. 2-й выпускъ его „національнаго вопроса въ Россіи“, Сиб., 1891).

2) П. Милоковъ: Разложеніе славянофильства (см. Вопросы философіи и психологіи, кн. 18). Публичная лекція.

совершенно неизбежно, что „западнической лагерь“ попытается задержать (насколько это въ его силахъ) это движеніе, а для этого не было, конечно, лучшаго средства, какъ сдѣлать нападентіе на тѣ самобытно русскіе устои, на которые съ такою силою указывали имонно славянофилы. И вотъ противъ нихъ спѣшно организуется походъ. Но, конечно, именно влѣдствіе этой спѣшности, на каждомъ шагѣ оказываются недосмотры: рекогносцировка дѣлается невѣрно; силы противника ослабляются и, тогда какъ сраженіе выигрывается (и то сомнительно) на какихъ-нибудь отдаленныхъ и незначительныхъ позиціяхъ, думаютъ, что разбитъ самый центръ...

Было бы бозѣ сомнѣнія благодарной задачей прослѣдить эту полемику противъ славянофильства съ *исторической* стороны. Тогда оказалось бы, что иллюзія „разложенія славянофильства“ достигается посредствомъ весьма не хитраго фокуса: къ славянофильству насильственно, совершенно виѣшнимъ и механическимъ образомъ *прилагаются* такіе элементы, которые не стоятъ съ нимъ ни въ какой органической связи и которые, поэтому, совершенно естественно и необходимо отъ него *отлагаются*. *Разложеніе* дѣйствительно получается, только — не славянофильскихъ идеаловъ, а плохихъ и искусственныхъ концепцій полемистовъ ¹⁾.

1) Кроме того въ современной полемикѣ противъ славянофильства замѣчается два общія, *методологическихъ* недостатка:

Во-первыхъ, вопреки древнему, выслаленному еще Аристотелемъ, требованію брать каждое существо, для опредѣленія его истинной природы и цѣнности, съ лучшей и выгодной для него стороны, въ его устойчивыхъ типичныхъ чертахъ, въ моменты подъема его самочувствія, — вопреки этому и справедливому требованію, полемисты противъ славянофиловъ, для облегченія своей задачи, пользуются, при характеристикѣ ихъ воззрѣній, преимущественно моментами ихъ угнетеннаго настроенія, когда они подпадали, такъ сказать, искусственнымъ мысли, сомнѣвались въ истинности своихъ воззрѣній и колебались: отъ искусственной и ваденій мысли, даже до отказа отъ вѣры въ свои заветные идеалы, какъ извѣстно, не свободны даже и самые великіе и крѣпкіе характеры: но справедливо-ли измѣрять и характеризовать ихъ по этимъ случайнымъ и переходящимъ настроеніямъ?

Во-вторыхъ, желая умалить значеніе славянофиловъ въ исторіи нашего просвѣщенія и набросать тѣнь на ихъ научно-литературную дѣятельность, полемисты любятъ подчеркивать у нихъ предполагаемыя „заимствованія“ изъ западной литературы (у романтиковъ, гергельянцевъ, ультрамонтановъ и

Однако, входить въ разъясненіе этой стороны дѣла не было задачей нашихъ писемъ. Современная полемика противъ славянофиловъ интересуется насъ лишь съ своей положительной стороны, — со стороны тѣхъ идей или идеаловъ, во имя которыхъ отрицается или разрушается идеалъ славянофильскій. И тутъ, конечно, мы уже заранѣе не можемъ ожидать чего-нибудь новаго и оригинальнаго: о, нѣтъ, славянофильскому идеалу противопоставляются давно извѣстные и, можно сказать, избитыя идеи и весьма сомнительные, уже довольно-таки скомпрометтированныя идеалы! Съ этой стороны „полемика“ весьма характерна и поучительна. Она еще разъ и самымъ положительнымъ образомъ доказываетъ, что арсеналъ западниковъ весьма не богатъ, такъ что имъ очень часто приходится повторяться. И именно, изучая аптиславянофильскіе критическіе „этюды“, мы находимъ, что весь циклъ противопоставляемыхъ славянофильству идей исчерпывается, собственно говоря, тремя идеями: идеею *человѣчности*, „реальной“ или „современной“ науки и идеею *вышше-церковной организаціи по типу католичества*. Легко замѣтить, что эта триада идей составляетъ естественный антитезисъ вышеуказаннаго трехъосновнаго идеала славянофиловъ.

1. Первый изъ только что указанныхъ нами элементовъ западнаго идеала, — идея *человѣчности*. — мы находимъ въ лекціяхъ проф. Виноградова о *Кирѣевскомъ* и *Грановскомъ* ¹⁾.

Лекція о Кирѣевскомъ не только не представляетъ ни-

т. д. Однако, при этомъ они обыкновенно ограничиваются указаниемъ лишь *сходства* или *совпаденія* въ воззрѣніяхъ тѣхъ и другихъ и не останавливаются надъ разъясненіемъ генетической связи и *зависимости* первыхъ отъ послѣднихъ. По совершенно очевидно, что такой приемъ не можетъ быть названъ доказательнымъ и „научнымъ“: такимъ приемомъ можно-бы было доказать не только то, что славянофилы „брали-де свои идеи на западѣ“, но и все что угодно, — наприм., что наши приволжскія мѣловыя горы перевезены нѣмцами колонистами прямо изъ фатерлянда... Въдѣ *сходство* есть, а больше, по этой логикѣ, для доказательства заимствованія ничего не нужно!

¹⁾ Проф. Виноградовъ: „И. В. Кирѣевскій и начало московскаго славянофильства“ (*Вопросы фил. и псих. науки*, кн. 11) и „Т. Н. Грановскій“ (*Русская Мысль*, 1893, Апрель, стр. 45 и слѣд., — 2-го отд.). Оба этюда публикованы лекціи.

чего особеннаго, но даже не можетъ быть названа и достаточно опредѣленною. Изложеніе, правда, довольно объективно; но систематической и принципиальной критики воззрѣній Кирѣевского нѣтъ („для нея было-де другое время“¹—стр. 116). И тѣмъ не менѣе, какъ и въ другихъ полемическихъ этюдахъ о славянофилахъ, выводъ сдѣланъ очень тяжеловѣсный и тѣмъ болѣе внушительный, что высказанъ въ формѣ какого-то советѣмъ неяснаго намека: „все¹), что пережито Россією,—такъ заключилъ проф. свою лекцію, — съ того времени, какъ велись споры между славянофилами и западниками, утверждаетъ насъ въ убѣжденіи, что дорога ко всемірно-историческому призванію остается по прежнему одна,—отъ мрака къ свѣту“! Заключеніе, конечно, импозантное.—особенно послѣ того, какъ, по справкѣ, оказалось, что стремиться отъ мрака къ свѣту заповѣдалъ не только Николай Сталкевичъ, но косвенно и самъ Мефистофель (см. конецъ лекціи). Этотъ эффектъ, правда, слушатели простили профессору (вѣдь онъ все-же читалъ *публичную* лекцію, а на публичныхъ лекціяхъ безъ эффектовъ нельзя!). Но привыкшіе къ опредѣленности и ясности, безъ сомнѣнія, уходя изъ аудиторіи, мысленно обращались къ оратору въ духѣ и тонѣ платоновскихъ діалоговъ²):

— „Но опредѣли же, странникъ, что такое этотъ *свѣтъ*! Что блуждать въ потемкахъ не безопасно, что пужно по возможности выбираться къ свѣту, — это мы и до лекціи знали; но *что такое* этотъ свѣтъ и гдѣ найти его“?

Нѣкоторые, поставивъ мысленно этотъ вопросъ, конечно, пытались вывести на него отвѣтъ изъ содержанія лекціи, опредѣлить искомый свѣтъ по противоположности съ тою тьмою, въ которой, по смыслу лекціи, блуждалъ Кирѣевскій и, такъ какъ источникъ тьмы, „смертная сторона“ славянофильскаго міросозерцанія, по профессору, заключается въ „безмѣрномъ преувеличеніи значенія ирраціональных элементовъ въ жизни и исторіи“, то... то никакого

¹) Что-же такое, однако, это „все“?—Вѣдь сюда, пожалуй, подойдетъ и печальное событіе 81-го года, и другія, подобныя ему; ужели и это „утверждаетъ въ убѣжденіи“ и т. д.?!...

²) Plato, Hipp. Major, 287 и др.

вывода и не получалось: одинъ рогъ дилеммы оказался очень притупленнымъ! Въ самомъ дѣлѣ, что противоположно этому увлеченію ирраціональными элементами? Конечно, „познанія и умъ,—источникъ главный силъ“, какъ это и объяснилъ услужливо Мефистофель. Но что-же такое умъ? Вѣдь умъ, какъ глазъ, не порождаетъ свѣта: онъ можетъ намъ только сообщить о присутствіи свѣта или освѣщенныхъ предметовъ, если будетъ на нихъ направленъ. Итакъ, — спрашивается снова, — что-же такое этотъ свѣтъ?

Нѣкоторые изъ наиболѣе равнодушныхъ махнули на всѣ эти вопросы о подспудномъ свѣтѣ рукою; а другіе, болѣе любопытные и сообразительные, пошли на вторую лекцію профессора: вѣдь тамъ будетъ читаться о Грановскомъ, — этомъ первоисточникѣ западнаго свѣта и ужъ навѣрное тамъ скажутъ, что такое этотъ свѣтъ. И тамъ дѣйствительно сказали; но удовлетворились этимъ разъясненіемъ, вѣроятно, опять таки далеко и далеко не всѣ.

Именно тамъ разъяснено было, что „смертная сторона“ славянофильства заключалась въ ошибочномъ мнѣніи, будто „основныя культурныя начала Россія должна искать въ себѣ самой, будто ея собственный религіозный и политическій матеріалъ достаточенъ для дальнѣйшаго развитія“, тогда какъ совершенно-де очевидно, что отказываться отъ западно-европейскихъ идей значить отрекаться „отъ великаго наслѣдія общаго культурнаго развитія, которое пло чрезъ западную Европу раньше, чѣмъ чрезъ восточную и потому *должно быть усвоено востокомъ съ запада*“; что, слѣдовательно, и Россія „необходимо сдѣлать западную цивилизацію своею, чтобы одолѣть ея и пойти дальше“, при чемъ путеводною звѣздою процесса должны оставаться универсальныя, но различающія ни Эллины, ни Іудея, ни варвара, ни свободнаго, *начала гуманности*. „Прежде всего, человѣчность, — сказалъ Грановскій, — и за это одно слово о немъ никогда не забудутъ въ Россіи“: такъ заключить профессоръ свою вторую лекцію.

Довѣрчивые и не требовательные изъ слушателей повѣрили профессору на слово и ушли удовлетворенные. А болѣе проникательные опять стали допытываться и допрашивать въ сократовскомъ тонѣ:

— „Объясните же намъ, г. профессоръ, что такое эта

человѣчность! Если, какъ вы сказали, это есть совокупность универсальныхъ, не различающихъ ни Эллина, ни Иудея, ни раба, ни свободнаго, идей и началъ истины, правды и справедливости: то вѣдь извѣстно, что эти идеи не на западѣ родились и не съ запада распространяются по вселенной и стало быть намъ нѣтъ надобности за ними обращаться къ западу; если-же подъ человѣчностью разумѣть что-либо другое, специфически-западное, тогда удостойте объяснить, что это такое! Мы знаемъ, что западъ, отрѣшивъ эту идею *человѣчности* отъ естественной связи съ религиозною идеею и возвысивъ на степенъ идеи верховной, всеѣмъ управляющей и въ жизни и въ области мысли, пришелъ, наконецъ, къ *иповозѣ* „человѣчества“ какъ нѣкотораго коллективнаго существа, что, по естественному сцѣпленію идей, повлекло за собой рядъ другихъ „началъ“, — привело къ „реабилитациі плоти“ (у сенъ-симонистовъ), „оправданію страсти“ (и частице половой—у фурьеристовъ), атеизму (Прудонъ), коммунизму, социализму и т. д. ¹⁾ Ужъ конечно не этой *иповозѣ* *человѣчества* желаете вы, г. профессоръ, противопоставляя убогому и одностороннему идеалу славянофиловъ универсальный западный идеалъ: но въ такомъ случаѣ что же, какую идею *человѣчности* мы можемъ и должны искать на западѣ?!... А между тѣмъ, если мы вмѣстѣ съ вами и Грановскимъ провозгласимъ и исповѣдуемъ, что „*прежде всего* *человѣчность*“, то логика и естественное сцѣпленіе идей ²⁾ приведутъ насъ къ апоѳеозѣ *человѣчества*, а пожалуй заставятъ признать и другіе вышеуказанные выводы изъ нея. По что скажете тогда опальный „ирраціональный элементъ“, т. е. здравый

¹⁾ Объ этой связи гипостазированной абстракціи *человѣчества* („религіи *человѣчества*“) съ другими, указанными и имъ подобными, ложными теченіями мысли см. наше, имѣющее скоро выйти, сочиненіе: „Философія въ современной Франціи“ (III. II).

²⁾ Такова ужъ досадная для реальнаго мышленія природа этихъ идей, что онѣ не ходятъ въ одиночку, но, выражаясь образнымъ языкомъ основателя идеализма, Платона, *ходятъ всегда въ сообществѣ или со святою, — окруженныя сонмиемъ другихъ, среднихъ имъ идей, которыя и выдаютъ ихъ подлинный, иногда для смертнаго скрытый и замаскированный, характеръ* ..

нравственно-эстетическій и религіозный смыслъ, за который такъ стояли славянофилы?... Иѣтъ, можетъ быть Россія и дѣйствительно никогда не забудетъ о Грановскомъ, — только, вѣроятно, за что-нибудь другое, а никакъ не за это сомнительное открытіе, по которому „*прежде всего* человечность“, а ее-де слѣдуетъ искать и можно найти только на запад“...

2. Въ полемикѣ противъ славянофильства проф. Виноградова все-же остается нѣкоторый серьезный идейный элементъ: на мѣсто осуждаемаго и разрушаемаго славянофильскаго идеала онъ ставитъ другой — человечность, который, при извѣстномъ истолкованіи, можетъ даже совпадать съ идеаломъ славянофильскимъ (по идеямъ универсальной правды, истины и справедливости). Другой полемистъ противъ славянофильства, г. Миллюковъ, поступаетъ рѣшительнѣе и смѣлѣе: онъ выкидываетъ за бортъ этотъ послѣдній остатокъ идеализма и переноситъ свою тяжбу со славянофильствомъ на совершенно новую почву: его размахъ шире, замыслы грандіознѣе, приговоры рѣшительнѣе, рѣчь развязнѣе, тонъ увѣрительнѣе. Онъ недовольтвуется „началомъ славянофильства“, но прослѣживаетъ всю его „эволюцію“ и, на основаніи своихъ „наблюденій (?) и разсужденій“ (стр. 92) считаетъ себя въ правѣ поставить надъ нимъ крестъ. Само собою понятно, что, при такомъ обширномъ историческомъ *аргументи*, г. Миллюкову пришлось внасть даже и въ чисто фактическіе промахи и несообразности, — напримеръ, образовывать нѣкую славянофильскую „фракцію“ изъ одного лица (Вл. С. Соловьева), при чемъ пришлось прибѣгнуть къ „мнооологическому возведенію этого лица въ женскій родъ и множественное число“¹⁾. Мы не станемъ, однако, останавливаться на этой сторонѣ дѣла, а, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, посмотримъ только, во имя чего г. Миллюковъ ставитъ надъ славянофильствомъ крестъ и осуждаетъ его идеалъ какъ „несовмѣстимый съ современными этическими и общественными воззрѣніями“.

Г. Миллюковъ — безусловный адепт и поклонникъ „современной“ или, что въ его устахъ одно и то же, — „реальной науки“. Выраженія: „*наука*“, „современная наука“.

¹⁾ Выраженіе Вл. С. Соловьева (см. *Вопросы филол. и поэт.*, кн. 18, стр. 154 2-го и т. д. — Замѣчанія на лекцію П. Н. Миллюкова).

„реальная наука“, „современное научное сознание“, „современныя научныя идеи“, „научный выводъ“, „научное сравненіе“ и т. д., эти выраженія, говоря безъ преувеличенія, нестрять у него на каждой страницѣ. Само по себѣ это преклоненіе предъ наукою, конечно, весьма похвально (хотя уже давно сказано: „естъ, другъ Горацио, на свѣтѣ много такого, о чемъ и не снилось нашимъ мудрецамъ“!). Но читателю очень важно знать, что имонно скрыто подъ этими почтительными, мистически-благоговѣйными надписями,—какая богиня столь властно управляетъ помыслами автора. И вотъ, всматриваясь пристально, мы замѣчаемъ, что „наука“ г. Милюкова какое-то странное существо. Это,—*sit venia verbo!* такъ сказать, однопкая богиня: она и сама не замѣчаетъ, и, своимъ адентамъ позволяеть не замѣчать нѣкоторыя стороны единой истины, нѣкоторые элементы общечеловѣческой мысли, или,—сказать точнѣе,—хотя и замѣчаетъ, но, такъ какъ не можетъ рассмотреть ихъ ближе, то и не знаетъ, какъ къ нимъ отнестись и какое дать имъ мѣсто въ общей системѣ человѣческихъ идей. Наталкивается г. Милюковъ на „философскія“ идеи (напр. на спекулятивно-діалектическое обоснованіе историческихъ взглядовъ у г. Вл. Соловьева), которыя стоятъ у него на пути и мѣшаютъ послѣдовательному проведенію его позитивно-реалистическаго пониманія исторіи: какъ быть? О, очень просто: богиня—реальная наука увольняетъ своего служителя отъ обязанностей считаться съ этими идеями: „эти идеи не допускаютъ де провѣрки“, „далеки отъ общепринятыхъ пріемовъ научнаго мышленія“ (стр. 86) и, такимъ образомъ, дѣло улажено! Конечно, это очень удобный пріемъ, но нельзя сказать, чтобы онъ былъ особенно „наученъ“. Это, очевидно, лишь искусный обходъ трудной позиціи: „вопросъ-де ненаучонъ и не стоить вниманія“! Слѣдовало-бы, однако, сказать прямо и искренно: „вопросъ лежитъ внѣ компетенціи „реальной науки““ и, затрогивая его, она просто на просто *берется не за свое дѣло*“... Вообще, наука г. Милюкова,—наука, „не имѣющая ничего общаго со старой наукою и философій“ - знаетъ фактъ лишь въ его грубой дѣйствительности и такъ сказать вещественности, но не задается вопросомъ объ его смыслѣ, идеальномъ содержаніи, цѣнности, управляющихъ имъ логиче-

ских и телеологических законахъ. И вотъ эту-то науку онъ призываетъ для суда надъ славянофильствомъ! Это, очевидно, не гуманно-европейскій, но шемакинъ судъ. Удѣли противъ славянофиловъ, при такомъ условіи, конечно, пайти весьма не трудно: вѣдь они признаютъ „идеальное въ природѣ“ (стр. 8â), какія-то „міровыя идеи“ (стр. 60—какая отсталость!), не сгибаются предъ Дарвинизмъ и Спенсеромъ (стр. 58-59—какая дерзость!) и т. д. Мы говорили выше, что славянофильскій идеалъ слагается изъ трехъ элементовъ. И вотъ одинъ изъ этихъ элементовъ, — *идеальную науку* или философію, которую особенно сильно было славянофильство, — г. Милюковъ, такъ сказать, безъ суда и слѣдствія подвергаетъ окончательной и безапелляціонной проскрипціи; а два остальные—національную и религіозную идеи—судитъ по законамъ, которымъ славянофиль, конечно, призналъ бы себя неподсуднымъ. И какіе изрекаются на этомъ судѣ приговоры! Въ *современной* общественной наукѣ, —изволите-ли видѣть, — „находить свое полное оправданіе“ идея національной своеобразности; но Боже сохрани искать объясненія этого своеобразія въ „народномъ духѣ“: „все дѣло тотчасъ оказывается испорченнымъ“ (стр. 93 и слѣд.), такъ какъ для „современной общественной науки“ національность есть не причина, а *результатъ* (sic!) исторіи, — „равнодѣйствующая, составившаяся изъ безконечно-сложной суммы отдѣльныхъ историческихъ вліяній“ (какъ это просто, подумай!), вслѣдствіе чего „вопросъ о заимствованіи для нея не есть метафизическій вопросъ (?) о разрушеніи народной сущности, а просто вопросъ практическаго удобства“ и „все ужасы, которыми грозило славянофильство *обсвертенившейся* (!) Россіи, — потеря самобытнаго типа, превращеніе въ неорганическую массу и т. д., — для современной науки суть-де только *призраки разстроеннаго метафизикомъ (!!) воображенія*“ (какъ будто исторія не знаетъ народовъ, утратившихъ свою національную самостоятельность и самобытность!). Во имя той же „реальной науки“ и при помощи подобныхъ же, самыхъ не хитрыхъ, разсужденій г. Милюковъ изрекаетъ обвинительный приговоръ и надъ другимъ конститутивнымъ элементомъ славянофильскаго идеала, — надъ вѣрою русскаго народа въ свою всемірную религіозно-этическую миссію, въ несокру-

шимую, предназначенную возродить и обновить человѣчество, силу и истину православнаго христіанства: вѣдь „идея мессіанизма (?) — идея ненаучная“ (стр. 78), такъ какъ она связана съ вѣрой въ безусловность нравственно-религіознаго требованія (стр. 94 и слѣд.), но „такой безусловности *не признаемъ современная этика* (!?) или, точнѣе говоря, она *ищетъ* обоснованія этой безусловности *въ другомъ мѣстѣ, и не въ метафизикѣ и религіи*“ (гдѣ-же это, однако. II. II.,—объясните: это въ высшей степени любопытно! Да и не все ли равно, гдѣ „ищетъ обоснованія *безусловности*“,—лишь-бы признавала ее: вѣдь лишь это признаніе есть, по вашему, *conditio sine qua* поп права „мессіанизма“ на существованіе!)..

Итакъ, реальная, т. е. все нивелирующая, сглаживающая всѣ природно-психологическія особенности, запрещающая всякія универсальныя и безусловныя цѣли, вытраивающая изъ жизни все идеальное содержаніе, превращающая все человѣчество въ какую то сплошную и однородную массу, элементы человѣчества изъ живыхъ членовъ — въ подвижныя и однообразныя „соціальныя атомы“: вотъ во имя чего г. Милюковъ дерзновенно разбиваетъ веледѣшный славянофильскій идеалъ! Но очевидно, что здѣсь критика переходитъ въ гиперкритицизмъ. Права и притязанія *такой* „науки“ на рѣшеніе вопросовъ, затрагивающихъ основныя и самыя глубокіе интересы человѣчества, которые безъ преувеличенія и безъ метафоры, слѣдуетъ назвать его „быть или не быть“,—эти притязанія по меньшей мѣрѣ спорны: эти вопросы „*реальной* наукѣ“ неподсудны, вслѣдствіе ея полной некомпетентности, *если даже эта „реальная наука“ и существует*. Но, —отважимся сказать „дерзкое“ слово!—*такая* наука не существуетъ: разъ то одностороннее направленіе мысли, которое принято называть *реальнымъ*, утверждаетъ себя въ качествѣ единственной и исключительной науки и усволяетъ себѣ рѣшеніе всѣхъ и всяческихъ вопросовъ, оно тѣмъ самымъ теряетъ всю свою, даже и относительную цѣнность: *реальная* наука тотъ-жечасъ превращается изъ всевластной богини въ незаконную *функцию*, въ *фетишъ*. Конечно, никому не запрещено создавать себѣ фетишей,—промовировать на степень самоподлинной и единственно истинной науки одностороннія тече-

пія мысли, связанная съ нѣкоторыми, прославленными и потому деспотически подавляющими своимъ авторитетомъ *наклонные къ раболовству умы*, именами; но за то никто, конечно, кромѣ самаго *фетишистсконаклонника*, и не обязанъ признавать этихъ фетишей и всякому предоставлено право называть вещи своими именами. И вотъ мы пользуемся этимъ правомъ: въ „лекціи“ г. Милюкова мы нашли не картину „разложенія славянофильства“, по типичную форму модной теперь *„фетишизации реальной науки“*...

3. Перейдемъ теперь къ третьей версии современной критики славянофильства, представителемъ которой служить нашъ извѣстный философъ и публицистъ, Вл. С. Соловьевъ. Безъ сомнѣнія,—это самый искренній и серьезный полемистъ противъ славянофильскаго идеала. Онъ стоитъ со славянофилами въ общемъ на той-же почвѣ, — признаеть идеальную науку, національную самобытность русскаго народа ¹⁾ и его преимущественное „идеально-религіозное призваніе“ (II, 281), — вѣрить, что „историческая задача Россіи состоитъ именно въ универсально-жизненномъ осуществленіи христіанства“ (II, IV), что идеаль „святой Руси“ есть идеаль религіозно-правственный (I, 71), что Россія имѣеть въ мірѣ религіозную задачу, къ рѣшенію которой „она подготовлялась и развитіемъ своей государственности и развитіемъ своего сознанія“ (I, 40); что *„святая Русь требуетъ святаго дѣла“*, новаго, „дѣйствительнаго“ слова, которое „она должна сказать міру“ и которое „можетъ быть только полнѣйшимъ выраженіемъ, исполненіемъ и совершеніемъ христіанства“ (I, 71—2) и т. д. И, однако, не смотря на это согласіе со славянофилами, г. Соловьевъ является едва ли не самымъ рѣшительнымъ ихъ противникомъ, потому что, хотя и расходится съ ними только въ частностяхъ, но за то эти „частности“ касаются самой души, самаго внутренняго смысла и внутренней цѣнности славянофильскаго или, что тоже, народно-русскаго идеала, а не внѣшней и аксессуарной стороны его.

¹⁾ „Русскій народъ обладаетъ великими стихійными силами и богатыми задатками духовнаго развитія“ вследствие чего „національная самобытность Россіи не подлежитъ сомнѣнію“—II, 160 (римскою цифрою, какъ здѣсь, тамъ и въ текстѣ, мы обозначаемъ *выпускъ* „Національнаго Вѣстника“ etc.).

Въ чемъ же дѣло? Во имя чего разрушаются славянофильскія идеальныя мечты *г. Соловьевымъ*?—Подъ вліяніемъ ложнаго и преувеличеннаго понятія о своихъ стихійныхъ силахъ, о своихъ достоинствахъ и преимуществахъ предъ другими народами,—разсуждаетъ авторъ, — русский народъ „охмѣленъ самоцѣніемъ“ (I, 32): его національныя особенности превратились въ *націонализмъ*, самосознаніе—въ *самодовольство* (II, 292), религіозно-національныя задачи—въ „антихристіанскій и безъидейный націонализмъ“ (II, 122), такъ что „интересъ націонализма начинаетъ преобладать надъ всемірскимъ принципомъ христіанства“ (II, 141). Далѣе, по той же причинѣ, и самое духовное сокровище наше - православное христіанство - у насъ остается въ небреженіи ¹⁾. Происходить-же все это отъ того, что, обладая пригодными нравственно-психологическими и національными силами, сознаніемъ своего нравственно-религіознаго всемірно-историческаго назначенія, мы, однако, нисколько не прилагаемъ заботъ и стараній къ осуществленію своихъ высокиихъ задачъ.

Наша націоналисты и народопоклонники, - разсуждаетъ нашъ публицистъ, — „обращаются къ русскому народу какъ бы съ такими словами: у тебѣ высокій идеалъ свято-ти, слѣдовательно ты святѣе и можешь съ самодовольнымъ пренебреженіемъ смотрѣть на прочіе народы, какъ евангельскій фарисей на мытаря. А по моему слѣдуетъ говорить народу такъ: если ты въ самомъ дѣлѣ сознаешь идеалъ совершенной свято-ти, то вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ сознавать и великое несоотвѣтствіе между нимъ и твоею дѣйствительностью, а потому и (?) долженъ работать надъ тѣмъ, чтобы по возможности уменьшить это несоотвѣтствіе, чтобы какъ можно болѣе осуществлять свой идеалъ во

1) Наша цѣра „неосмысленна“, мы „пристрастны къ традиціонной буквѣ и равнодушны къ религіозной мысли; склонны принимать благочестіе за всю религію, а само благочестіе отождествляемъ съ обрядомъ“ (II, 95); „ипострашимъ, разсуждая о религіи, предаются вмѣстѣ съ тѣмъ и религіозной дѣятельности, организуютъ благотворительныя учрежденія у себя дома, провѣстительныя миссіи среди дикихъ народовъ и т. п., а мы воздерживаемся отъ этого суетнаго подвижничества, предаваясь, главнымъ образомъ, по дѣгамъ молитвеннымъ, утѣняясь обиліемъ земныхъ поклонствъ, продолжателіиство и богатіемъ церковныхъ службъ.— мы служимъ только Богу, а служеніе страждущему человѣчеству предоставляемъ должнымъ религіямъ гнилаго запада“ (96); „мы свято хранимъ божественное основаніе церкви, но вотъ уже девятый вѣкъ ничего на немъ не создаемъ и часто пользуемся трудами столь порицаемыхъ нами (католическихъ и протестантскихъ) вождей“... (I, 95).

вѣхъ своихъ жизненныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ. Внутренняя возможность такой реализаціи идеальныхъ началъ, такой плодотворной релігіозной работы для русскаго народа дана именно въ томъ его нравственномъ реализмѣ и живомъ историческомъ смыслѣ, которыми онъ отличается отъ другихъ, также релігіозныхъ народовъ, каковыя, напримѣръ, индусы. Требуется только, чтобы этотъ нашъ историческій здравый смыслъ, создавшій и сохраняющій могучее русское государство, не ограничивался бы навсегда одною этою областью задачъ національно-политическихъ, а притянулся бы также и къ болѣе широкимъ задачамъ: всемірно-релігіознымъ и общечеловѣческимъ. Если русскій народъ сего имѣетъ и высоко-релігіозный и трезво-практическій, то желательно и нравственно необходимо, чтобы между этими сторонами его духа не было раздвоенія, чтобы онъ былъ болѣе дѣятельнымъ, и наша мірская дѣятельность болѣе благочестивою. Требуется однакъ слово, чтобы русскій народъ и общество относились болѣе добросовѣстно къ истинѣ своей вѣры и къ дѣламъ своей жизни. Только „дѣрній въ маломъ“ „поставляется надъ многими“: плодотворное служеніе высокимъ историческимъ задачамъ возможно только при добросовѣтномъ отношеніи къ ближайшимъ обязанностямъ¹⁾.

Но въ чемъ же именно заключаются эти наши ближайшія обязанности? Что же прежде всего нужно дѣлать? Путь ясенъ: необходимо самоотреченіе не только отъ національной (I, 30), но и „отъ церковной замкнутости и исключительности“ (I, 42) и „готовность принимать просвѣщающія и оживляющія воздѣйствія, чрезъ кого бы они ни шли, не дожидаясь, чтобы родная и близкая почва дала намъ то, что можетъ дать только далекое солнце и чужая атмосфера“ (I, 30). Говоря частіе, такъ какъ намъ не остается прежде всего *внѣшней организаціи* для проведенія нашихъ релігіозно-этическихъ идеаловъ въ жизнь, а этимъ отличается, какъ извѣстно, католичество: то *намъ необходимо устроиться по его образу и подѣ властию во верховнаго вождя* — *тѣмъ*: „нужно, говорить г. Солюбева, — основать въ человѣчествѣ опредѣленную и непоколебимую точку, на которой могло-бы опираться домогательское дѣйствіе Божіе,“ каковою точкою можетъ служить не „отвлеченное единство вѣрующихъ или соборъ“, то конкретная и живая личность римскаго первосвященника, любовь къ которому, „можетъ и должна сдѣлаться источникомъ чувствъ и аффектовъ не менѣе могущественныхъ, чѣмъ любовь сыновьяя или патріотизмъ“. Это и есть долгъ обязанность Россіи: „ея историческое предназначеніе состоитъ кажется въ томъ, чтобы дать всемірной церкви по-

1) II, стр. 277—9.

литическую власть, необходимую для спасенія и возрожденія Европы и міра“¹⁾). Общій смыслъ и сущность всей своей философско-публицистической дѣятельности со стороны ея отношенія къ славянофильству г. Соловьевъ формулируетъ такимъ образомъ: „въ славянофильствѣ заключался зародышъ истиннаго, универсальнаго пониманія христіанства“ (а до той поры *истиннаго* пониманія христіанства не было?!) который, однако, „былъ заглушенъ и подавленъ чуждыми и прямо враждебными элементами“; возрожденіе и дальнѣйшее развитіе“ этого зародыша при-

¹⁾ *La Russie et l'Eglise universelle*, p. p. 90, 3. 118. 265 и др. Интересно прослѣдить, съ какою постепенностью, какъ бы раздумьемъ и колебаніемъ, г. Соловьевъ склонялся къ признанію всевластнаго авторитета папы: сначала (1884) онъ желалъ *свободною совѣзю* съ католической церковью, — горючилъ, что „славянство должно *узнать* положительное христіанское начало, сохраняющееся на Западѣ въ католической церкви“ (1, 86), чѣмъ-де *нѣтъ никакихъ препятствій*, такъ какъ-де „все нами признаваемое признается и католиками“ (? 94) и даже „между папскимъ единоначаліемъ и соборнымъ началомъ восточной церкви *нѣтъ* (будто-бы) *никакого* (?) принципиальнаго и справедливаго основанія для антагонизма“ (90); потомъ, въ своемъ заграничномъ сочиненіи *L'idée russe* (1888), онъ развила мысль, что Русская, какъ и всѣ другія національныя церкви, должны *слиться* въ одно великое Цѣлое, въ одну вселенскую церковь (см. изложеніе и опроверженіе только-что названнаго сочиненія, сдѣланное о. Вл. Гетше, въ *Моск. Вѣдомостяхъ*, N 276, 1888 г.); наконецъ, въ сочиненіи *La Russie et l'Eglise universelle* (1890), онъ уже требуетъ рѣшительнаго *подчиненія* папѣ. Итакъ, *союзъ, сдѣланіе, подчиненіе*: вотъ ступени послѣдовательнаго и все болѣе и болѣе глубокаго отпаденія г. Соловьева отъ православія къ папѣ. Процессъ этого отпаденія, со стороны его внутреннихъ мотивовъ, прекрасно вскрытъ въ критической брошюрѣ *іеромонаха (никъ архимандрита) Антонія*, посвященной разбираемому автору, г. Соловьевъ — такъ говоритъ уважаемый авторъ, — „боровнійся противъ враговъ Христовыхъ силою философскихъ и злѣмъ, апологетическихъ изслѣдованій, повидимому, огорчился, что сама по себѣ истина такъ медленно и такъ незаметно побѣждаетъ враговъ. Ему, вѣроятно, горько было видѣть Христову вѣру пренебрегаемой высшимъ обществомъ и базнаказанно попираемой со стороны нигилистовъ-развратителей юности — и вотъ, вмѣсто того, чтобы трудомъ духовной жизни и науки достигнуть чрезъ благодать Божію такихъ духовныхъ даровъ, предъ коими бы пали козни враговъ Христовыхъ, этотъ мыслитель сталъ думать объ устроеніи такихъ общественныхъ церковно-государственныхъ порядковъ, при коихъ никто не могъ бы поработать или оскорблять Церковь, при коихъ сила церкви дѣйствовала-бы безпрепятственно и торжественно побѣждала своихъ враговъ“ .. *Превосходство Православія надъ ученіемъ папизма въ его изложеніи Вл. Соловьевымъ*, соборн. іеромонаха Антонія, Сиб. 1890, стр. 6

надлежить-де ему, г. Соловьеву (*Вопросы Философіи и Психологіи*, кн. 18, стр. 154 спец. отдѣла).

Таково, въ общихъ чертахъ, отношеніе г. Соловьева къ славянофильскому идеалу. Основная посылка этого взгляда,—именно, что, обладая могучими силами, возвышенными стремленіями и имѣя великое историческое предназначеніе, русскій народъ, однако, недостаточно цѣнитъ эти свои сокровища,—эта посылка, въ общемъ, по нашему мнѣнію, вѣрна. Но она чрезмѣрно преувеличена, и потому изъ нея сдѣланъ ложный выводъ. Именно, раскрывая ее, г. Соловьевъ приходитъ къ отрицанію у русскаго человѣка не только доброй *воли* и инициативы, но и *способности* дѣйствовать въ направленіи своего идеала (I, гл. VI и др.), т. е. посылка превращается въ свою противоположность, вслѣдствіе чего, по его изображенію, и открывается для русскаго человѣка необходимость (*минная*) искать спасенія отъ собственныхъ нестроеній и неурядицъ на Западѣ.—частіе въ католичество. Между тѣмъ, если бы г. Соловьевъ смотрѣлъ на жизнь глазами непредубѣжденными, онъ замѣтилъ-бы, что онъ произвольно стусилъ краски и слишкомъ преувеличилъ нестроенія русской мысли и жизни; что его сѣтованія звучатъ особенно странно именно теперь, когда во всѣхъ сферахъ нашей жизни и мысли проявляется стремленіе къ обновленію, къ реорганизаціи,—возвращеніе къ нашимъ исконнымъ православно патріархальнымъ устоямъ. Съ другой стороны, онъ замѣтилъ бы, что и факты современной Западной жизни нисколько не оправдываютъ его надеждъ на то, чтобы подчиненіе римскому епископу могло уврачевать наши нестроенія и бѣды, такъ какъ католичество не можетъ уврачевать и собственныхъ болѣзней и золь. Мы не говоримъ уже о принципиальной, — коренной и глубокой, — несовмѣстимости католичества какъ съ началами православія, такъ и съ особенностями нашего національно-русскаго и вообще славянскаго характера ¹⁾... Г. Соловьевъ могъ-бы указать своему отечеству, о благѣ котораго, повидимому, онъ такъ ревнуетъ, дѣйствительную, а не мнимую услугу, если бы въ виду только-что указанныхъ фактовъ, вмѣсто странной проповѣди о подчиненіи папѣ, — проповѣди, которая доселѣ не встрѣтила, да безъ сомнѣнія и не встрѣтитъ,

¹⁾ Ср. у *Листовскаго*, стр. 321—348.

въ русскихъ и православныхъ, сочувственнаго отклика. — онъ продолжалъ свою литературно-философскую и публицистическую дѣятельность въ томъ-же духѣ и силѣ, съ тѣмъ-же огненнымъ одушевленіемъ, которое нѣкогда подказало ему слѣдующій мужественный призывъ, обращенный къ братьямъ по крови, по духу, по мысли, по образованію: „Мы, имѣющіе несчастье принадлежать къ русской интеллигенціи, которая вмѣсто образа и подобія Божія все еще продолжаетъ носить образъ и подобіе обезьяны, — мы должны же наконецъ увидѣть свое жалкое положеніе, должны постигнуться возманившимъ въ себя русскій народный характеръ, перестать творить себѣ кумира изъ всякой узкой ничтожной идейки“, — должны освободиться отъ „той житейской дряни, которая наполняетъ наше сердце, и отъ той мнимонаучной школьной дряни, которая наполняетъ нашу голову“¹⁾. —

Итакъ, апофеоза челоѣчества, фетишизация „реальной науки“ и ультрамонтанскія утопіи: вотъ три стадіи современнаго интеллигентнаго отпаденія отъ славянофильскаго идеала. Полемисты паввно увѣрены, что они поставили крестъ надъ славянофильствомъ, съ его надеждами, чаяніями и идеалами: „славянофильство подверглось разложенію и умерло“ (Соловьевъ, II, 124), „умерло и не воскреснетъ“ (Милуковъ, 96). Незавидна доля могильщика, даже и у благороднаго покойника; но она становится положительно трагична, когда, томимый какимъ-то злымъ предчувствіемъ, роетъ могилу для другаго, онъ, самъ того не вѣдая, готовитъ ее самому себѣ. Но именно это, по нашему мнѣнію, и случилось въ данномъ случаѣ съ полемистами. Соловьевъ сравниваетъ славянофильство съ „органическимъ явленіемъ“, которое, поднавъ химическому процессу, „распалось на составные элементы, изъ коихъ одни, по естественному средству, вошли въ соединеніе съ такъ называемымъ „западническимъ лагеремъ“, а другіе столь же естественно были притянуты и поглощены крѣпостничествомъ, антисемитизмомъ, народничествомъ и т. д.“ (ibid), при чемъ, конечно, считается „самопонятнымъ“, что запад-

¹⁾ *Три члм* (публичное чтеніе въ Обществѣ любителей рос. словесности), М. 1877. конецъ.

никакъ достались изъ славянофильства лишь цѣнные и благородные элементы. Но, по нашему мнѣнiю, существу дѣла болѣе отвѣчаетъ другое сравненiе: комплекс первоначальныхъ славянофильскихъ идей былъ подобенъ сплаву, въ которомъ рядомъ съ благородными и цѣнными элементами были и менѣе благородные и цѣнные; историческiй процессъ очистилъ этотъ сплавъ, выдѣливъ изъ него неблагородныя примѣси, и вотъ этотъ-то выдѣленный элементъ, шлакъ и изгарь, и подѣлили между собою западники вмѣстѣ съ крѣпостниками, народниками etc, при чемъ западники, по своему обыкновенiю, успѣли утилизировать доставшуюся имъ часть сплава на украшенiе и возвеличенiе своихъ стародавнихъ кумировъ, — „человѣчества“, „реальной науки“ и т. д. Этимъ западничество еще разъ и краснорѣчиво доказало, что оно изжило свои принципы и что ему приходится теперь только повторять зады и вообще пробавляться, чѣмъ придется. Что-же касается славянофильства, то нѣтъ надобности добавлять, что отъ всего этого оно только выиграло. Если первоначальное славянофильство, упоенное красотой своего идеала, могло подпасть и дѣйствительно иногда подпадало (какъ это справедливо указала критика, въ чемъ, — охотно признаемъ это, — заключается ея несомнѣнная и можетъ быть значительная заслуга) искушенiю духа гордыни, самолюбiя и самодовольства; то теперь, „перетерпѣвъ судьбы удары“ и воспринявъ уроки своей исторiи, оно, конечно, уже свободно отъ этихъ искушенiй, парализовавшихъ энергiю его идей и ихъ плодотворное воздѣйствiе на жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, именно несправедливыя и безмѣрно преувеличенныя нападенiя критики дали, наприм., поводъ маститому эпигону славянофильской семьи, Д. Θ. Самарину, напомнить, въ чемъ собственно состоитъ славянофильскiй идеалъ и какъ мало касаются его чистой формы тѣ разногласiя „критики славянофильства“, которыя всплыли на поверхность нашей бѣдной серьезнымъ содержанiемъ современной журналистики ¹⁾.

¹⁾ См. брошюру Д. Θ. Самарина: *Поборники вселенской Правды*, 1891 г., — печаталась первоначально въ *Новомъ времени*. Все, что въ этой брошюрѣ относится къ характеристикѣ чистаго идеала первыхъ славянофиловъ, съ благороднымъ безпристрастiемъ и чисто научною объективностью (но съ

Здѣсь мы можемъ кончить свою вынужденную полемику. Итакъ въ чемъ-же въ концѣ концовъ чистая форма славянофильства,—истинное зерно славянофильскаго идеала? Оно заключается не въ тѣхъ случайныхъ придаткахъ, которые полемистамъ почему то угодно было разсматривать, какъ проявленіе самой сущности славянофильства (націонализмъ и пр.), но въ томъ возвышенномъ, сколько обаятельномъ, столько-же и обязывающемъ взглядѣ (совершенно не тронутомъ „критикою“), по которому наша надежда и сила не въ національно-психологическихъ нашихъ особенностяхъ, нерѣдко слѣпыхъ въ своей стихійной мощи, и даже не въ идеальныхъ стремленіяхъ нашей славянской природы, которая хотя и возвышенна, но часто неопредѣленна и потому сама по себѣ нерѣдко мечтательна и бесплодна, но—въ истинѣ воспринятаго нами православія, которое, при дѣятельномъ отношеніи къ нему, способно претворить своимъ свѣтомъ и силою все немощное въ насъ, укрѣпить и направить ко благу все доброе и, такимъ образомъ, дать намъ возможность осуществить свою историческую миссію. Таковъ нашъ идеаль, заповѣданный намъ нашею исторією и твердо намѣченный славянофилами ¹⁾. Но, конечно, каждое положеніе, даже каждый отдѣльный человѣкъ можетъ облекать этотъ идеаль по

крайне легковѣснымъ заявленіемъ *pro domo*—въ началѣ и въ концѣ перепечатки) воспроизведено г. Вл. Соловьевымъ во второмъ выпускѣ его національнаго вопроса въ Россіи, —что не только въ значительной мѣрѣ уравниваетъ, но и рѣшительно парализуетъ его иногда крайніе, чтобы не сказать больше, выходки противъ славянофильства, подказанные духомъ тенденціозной полемики...

¹⁾ „Не природныя какія-нибудь преимуществя славянскаго племени, — идеаль въ свое время И. В. Кирѣевскій, — заставляють насъ надѣяться на будущее его пролѣтаніе: нѣтъ! племенные особенности, какъ земля, на которую падаетъ уметвенное сѣмя, могутъ только ускорить или замедлить его первое развитіе; они могутъ сообщить ему здоровую или тощую пищу; могутъ, наконецъ, дать ему свободный ходъ на божьемъ свѣтѣ или заглушить его чужими растеніями; но самое свойство плода зависитъ отъ свойства сѣмени“ (Соч. Кирѣевскаго, II, стр. 211. 261). „Для Россіи возможна одна только задача: сдѣлаться самымъ христіанскимъ изъ человѣческихъ обществъ... Отчего дана намъ такая задача? Можетъ быть, очистити плоды ствѣіе особаго характера нашего племени; но (главнымъ образомъ), безъ сомнѣнія, отъ того, что намъ, по милости Божіей, дано было христіанство во всей его чистотѣ въ его братолюбивой сущности“ (Соч. Хомякова, I, стр. 683).

своему въ болѣе конкретныя черты. Вотъ почему и мы, въ заключеніе своихъ „писемъ“, считаемъ позволительнымъ указать, въ какихъ конкретныхъ чертахъ опредѣлился для насъ этотъ идеалъ, при его сопоставленіи съ „западною дѣйствительностью“.

Жизнь человѣка и человѣчества можетъ быть разсматриваема со многихъ и разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Но въ своихъ предыдущихъ письмахъ мы разсматривали жизнь современнаго запада преимущественно съ трехъ сторонъ: со стороны внѣшнихъ, социально-экономическихъ условий (въ связи съ характеромъ такъ называемой „матеріальной культуры“); со стороны умственной, и со стороны идеальныхъ, главнымъ образомъ этико-религіозныхъ началъ. Этихъ трехъ сторонъ мы коснемся и здѣсь, въ заключеніе своихъ писемъ, при чемъ, такъ какъ наши взгляды составляютъ простые выводы изъ всего предыдущаго, то мы можемъ формулировать ихъ кратко,—въ формѣ слѣдующихъ трехъ тезисовъ.

1.

Мы не разъ отмѣчали въ своихъ письмахъ, что со стороны матеріальной культуры западная дѣйствительность далеко превосходитъ нашу. Мы не безъ основанія учимся на Западѣ и, — нужно правду сказать, — долго еще должны будемъ тамъ учиться техникѣ въ различныхъ отрасляхъ спеціального знанія, а могли бы поучиться и многому другому: наприм., экономичному употребленію силъ и времени, трудолюбію, энергіи, предпримчивости, порядку и т. д. Но, усвоивъ эти внѣшніе приемы и формы жизни, мы отиудъ не должны вмѣстѣ съ ними впитывать въ себя тотъ духъ, которымъ пропитана вся жизнь западнаго человѣка, но который глубоко противорѣчитъ нашимъ идеаламъ и стремленіямъ. Именно, на западѣ господствуетъ и повсюду проторгается взглядъ на человѣка, только какъ на *производителя* матеріальной культуры, какъ на рабочую силу, какъ на эквивалентъ труда и капитала, при чемъ его *идеальная* цѣнность вовсе не принимается въ расчетъ, а такъ какъ

въ этомъ отношеніи (съ точки зрѣнія труда и капитала) между людьми не можетъ быть рѣзкихъ различій, то всё признаются равными: отсюда возникаютъ различныя, такъ устралающія современное европейское общество социальнo-коммунистическія движенія, стремящіяся къ переустройству общества на эгалитарныхъ началахъ.

Наиболѣе проникательные умы Запада поняли, наконецъ, что подлинный источникъ современныхъ социальнo-экономическихъ волненій заключается именно въ только-что указанномъ, извращенномъ, унижающемъ достоинство человѣка, взглядѣ на него, какъ на рабочую силу, какъ на эквивалентъ капитала или „подвижный социальный атомъ“, — взглядѣ, который всосался уже въ плоть и кровь массы и держится въ ней тѣмъ упорнѣе, чѣмъ менѣе она способна къ отказу отъ утопій, льстящихъ ея матеріалистическимъ инстинктамъ и вожделѣніямъ. Мы видѣли выше, что на Западѣ всё, начиная съ палы и кончая стоящими, повидимому, весьма далеко отъ всѣхъ этихъ вопросовъ частными людьми, озабочены теперь тѣмъ, чтобы снова воскресить въ массахъ здравый взглядъ на человѣка, какъ на носителя идеальныхъ началъ и образа Божія, а не какъ на слѣпую рабочую силу или машину. такъ какъ, по сираведливому убѣжденію передовыхъ умовъ Запада, только расширеніемъ такихъ взглядовъ еще можно предотвратить грядущее и повидимому близкое „социальное землетрясеніе“¹⁾.

¹⁾ „Трудящіяся и обездоленные массы, — писалъ недавно знаменитый современный швейцарскій философъ (Секретанъ), думаютъ улучшить свое положеніе путемъ равномернаго распредѣленія матеріальныхъ благъ. Это, конечно, ошибочное мнѣніе. Но чтобы его исправить, необходимо научить народъ: а чтобы его учить, необходимо сначала добиться съ его стороны довѣрія; а чтобы внушить довѣріе, нужно быть его достойнымъ, — нужно любить народъ. Но эгоизмъ преобладаетъ одинаково во всѣхъ классахъ общества и, какъ неизбежное слѣдствіе отсюда, пропасть между ними становится все глубже и глубже. Нужно, поэтому, энергичное и всеобщее обновленіе вѣрности, а, сказать правду, — все это уже довольно поздно“. (*Secretan: la civilisation et la croyance*, 2-мо ед., Paris, 1892, P. 190-1). „Всѣ повторяютъ, — продолжаетъ мысль Секретана знаменитый современный французскій экономистъ Анатоль Леруа-Болье“, — что для исцѣленія планшхъ зодь необходимо обратиться къ народу, *идти въ народъ*, какъ говорятъ мистико-реалистически настроенные славяне. Но какъ и съ чѣмъ пойдемъ мы, маловѣрные и тронутые селенгизмомъ, къ народу?

Промысломъ Божиимъ нашъ православный русскій народъ поставленъ въ такія историческія условія, что онъ не пересталъ еще смотрѣть на человѣка, какъ на носителя образа Божія, не сталъ еще измѣрять его цѣнность количествомъ его труда и заработка и, поэтому, еще не имѣетъ вождельній къ насильственному раздѣлу собственности. Такимъ образомъ мы еще обладаемъ тѣмъ благомъ, котораго теперь такъ усиленно (и, —увы! —по собственному сознанию, уже поздно и тщетно) ищутъ на Западѣ. Пусть же вразумятся этимъ урокомъ наши легкомысленные адепты „западнаго просвѣщенія“, рабски хватающіе его „последнія слова“! Они могутъ восторгаться сколько имъ угодно „выводами реальной науки“; но пусть помнятъ, что пересадка этихъ „выводовъ“ на русскую почву есть не только признакъ легкомыслія, равнодушія къ истинному народному благу, по—и положительное преступленіе и при томъ весьма тяжкое, такъ какъ оно есть посягательство не только на тѣло, но на душу и при томъ не одного лица, но на коллективную народную душу...

2.

Характеризуя умственную жизнь современнаго Запада, мы отмѣчали въ ней серьезное и вмѣстѣ достойное отношеніе къ наукѣ, одинаково исключаящее какъ слѣбое наукопоклонничество, такъ и произвольное обращеніе съ наукою. И тамъ есть увлекающаяся и неразборчивая полуобразованность, есть *теченія ложной quasi научной мысли*; но нѣтъ *ложнаго отношенія* къ наукѣ по крайней мѣрѣ со стороны ея истинныхъ представителей: тамъ не выдаютъ гипотезу за аксіому, не принимаютъ намековъ за окончательное рѣ-

Хорошо говорить: „пойдемъ въ народъ“; но сначала нужно нѣчто имѣть въ рукахъ, чтó бы нести къ нему и, если наши руки не совсѣмъ пусты, то во всякомъ случаѣ то, что въ нихъ есть, представляетъ нѣчто весьма скудное и неущественное. У христіанина въ рукахъ есть книга, съ которою онъ можетъ пойти къ народу,—Евангеліе. Церковь можетъ предложить ему нѣчто такое, чего нѣтъ ни въ нашихъ академіяхъ, ни въ нашихъ редакторскихъ бюро: вѣру и надежду. А мы, невѣрующіе интеллигенты, что мы ему предложимъ?! По истинѣ, если когда, то именно теперь слѣдуетъ сказать: *житва многа, длгателей же мало*... Anatole Leroy-Baulieu: la parauté, le socialisme et la démocratie, Par., 1892, p.p. 261—7, passim).

шеніе, не снѣпать отрицаніемъ, гдѣ мѣсто лишь сомнѣнію и сдержанному отношенію къ вопросу, и вотъ почему, среди волнъ отовсюду наплывающаго свободомыслія, перѣдко, именно *во имя науки*, раздаются мужественные призывы остановиться и подумать. У насъ, — увы! — все еще мало этой серьезности. Съ тоскою и горечью обращали мы свои взоры изъ центровъ западной умственной жизни къ своему отечеству, гдѣ не только представители легкой ежедневной прессы, но часто и увѣнчанные лаврами служители науки логкомысленно переходятъ съ точки зрѣнія критической воздержности, — единственно законной и „научной“ точки зрѣнія по многимъ вопросамъ, — къ поверхностному догматическому отрицанію; гдѣ такъ ощутителенъ недостатокъ истинно научнаго мужества въ борьбѣ за научную правду; гдѣ „наука“ часто принижается до требованій моды и вкуса; гдѣ ея представители не рѣдко боятся обнаружить свою солидарность съ требованіями вѣры, совѣсти и здраваго смысла ¹⁾. И вотъ, такимъ образомъ, оказывается, что и въ этомъ отношеніи намъ приходится учиться на Западѣ не одной техникѣ, но вмѣстѣ и научной порядочности и *добросовѣстности*... И здѣсь снова, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, если и есть у насъ какое преимущество предъ Западомъ, то оно не отъ насъ, не отъ нашей самодѣятельности, не отъ нашихъ свободныхъ усилій, а исключительно отъ тѣхъ условій, въ которыхъ промысломъ Божиимъ поставлена наша мысль и отъ природно-психологическихъ особенностей нашихъ. Именно, благодаря этимъ условіямъ и дарамъ природы, русскій народъ, еще не слуганный софизмомъ и ложнымъ доктринерствомъ, сохранилъ чуткость къ различенію лжи отъ истины, истиннаго направленія мысли отъ ложнаго, — способность судить и даже осуждать ложную науку, мнимо-научные выводы во имя своихъ жизненно-практическихъ потребностей и идеальныхъ запросовъ.

Разсматривая ближе умственную жизнь современнаго Запа-

¹⁾ Правдивую характеристику русской интеллигенціи съ этой непривлекательной стороны см. у Щелова („Исторія социальныхъ системъ“, т. II, стр. конецъ III гл. стр. 548 и слѣд.): онъ весьма основательно говоритъ, что это явленіе новосное (стр. 575—7), которымъ, къ счастью, не зараженъ нашъ „богатырь-народъ, здравомыслящій и доблестный, котораго подвергаютъ поруганію только свои“ (стр. 620)...

да, мы различаемъ въ ней два основныхъ теченія: съ одной стороны, мысль какъ-бы забыла свои руководящія идеальныя жизненно-практическія стремленія и, оторвавшись отъ жизни, застыла въ отвлеченныхъ схемахъ и матеріализовалась (въ протестантизмѣ¹⁾); съ другой, какъ-бы предчувствуя этотъ печальный результатъ разрыва съ идеальными и жизненно-практическими мотивами и началами, она замкнулась въ сферѣ своихъ идей, заповѣданныхъ традиціею (особенно религиозною), — сферѣ тѣсной и удушливой, — и стала просто игнорировать *требованія фактовъ въ ихъ, правда, перѣдко спутывающей и смущающей грубо-реальной правдѣ*, но за то *распирающей кругозоръ, освѣжающей мысль и сообщающей ей основательность и жизненность (въ католичествѣ)*. Соотвѣтственно этому различію въ характерѣ двухъ основныхъ теченій западной умственной жизни мы видимъ на западѣ, съ одной стороны, университеты, втянувшіе и какъ-бы *поглотившіе* въ себя всѣ элементы идеальной науки (теологін и философіи) и подчинившіе ее реалистическимъ требованіямъ мысли (въ Германціи); съ другой, видимъ университеты, *выдѣлившіе* изъ себя этотъ сдерживающій и руководящій идеально-научный элементъ, который, хотя и сохранилъ, такимъ образомъ, свою внутреннюю автономію, но остался непроведеннымъ въ конкретную мысль и, потому, какъ-бы висящимъ въ воздухѣ, — свѣтлымъ, но безсильнымъ (въ католической Франціи). И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, очевидно, одинаково страдаютъ какъ интересы вѣры и чувства, такъ и интересы науки; но въ первомъ случаѣ преимущественно страдаетъ вѣра и всѣ вообще идеально-практическіе постулаты, во второмъ — наука: въ первомъ случаѣ предъ нами безбожная наука, во второмъ — ненаучная вѣра.

Этотъ разрывъ идеальныхъ и реалистическихъ элементовъ міросозерцанія, расколъ и разладъ жизни и мысли не можетъ, конечно, быть признанъ нормальнымъ. Нереализованная, обезсиленная выдѣленіемъ конкретныхъ и реалистическихъ элементовъ, идея есть такая-же односторонность,

¹⁾ Характеристика современнаго настроенія умовъ въ западной Европѣ нами сдѣлана въ другомъ мѣстѣ (см. *Вопросы Философіи и Психологіи*, кн. 20-я — нашу статью: *Pia desideria*).

какъ и не просвѣщенный плесю, не осмысленный матеріалъ знанія. II особенно русское мышленіе, столь чуткое къ запросамъ реальной правды, столь глубоко проникнутое требованіями отъ истины прежде всего *жизненности* ¹⁾, никакъ не можетъ примириться съ этими односторонними теченіями западной мысли. Вотъ почему наличное обособленіе у насъ въ Россіи нашихъ высшихъ богословскихъ школъ (академій) отъ университетовъ, необходимое, какъ временная или палліативная мѣра ²⁾, не можетъ быть признано окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса объ отношеніи идеальныхъ и реалистическихъ элементовъ нашего міросозерцанія: богословіе должно войти въ семью университетскихъ дисциплинъ, — однако не какъ подчиненная и зависимая отъ нихъ группа наукъ и даже не какъ только равноправная съ ними, но какъ преимущественная, сообщающая имъ направленіе, хотя и сама въ свою очередь обогащаяся изъ нихъ реалистическими элементами. Только такая организациа нашей научной мысли могла-бы отвѣчать нашему идеалу и нашимъ глубочайшимъ потребностямъ. Только въ такомъ случаѣ мы могли-бы и въ научномъ отношеніи явить типъ своеобразной и самобытной культуры. Но, конечно, для этого необходимо, чтобы православный богословъ встрѣтилъ въ своихъ университетскихъ коллегахъ не враговъ и противниковъ, но сотрудниковъ и добрыхъ совѣтниковъ, проникнутыхъ тѣми-же стремленіями и идеалами. Но, — увы! — пока этого еще нѣтъ и, судя по всемъ признакамъ, такого отношенія между теологами и представителями свѣтской науки мы дождемся не скоро, если только вообще когда-либо дождемся...

3.

Въ религіозной жизни современнаго запада рядомъ съ

¹⁾ Характеристика особенностей русскаго мышленія сдѣлана нами въ той-же статьѣ *Вопросы Фил. и Психологін.*

²⁾ Такъ какъ пока, при наличномъ, далеко не идеальномъ отношеніи свѣтской науки къ духовной было бы, можетъ быть, рискованно включать богословскую науку въ число университетскихъ дисциплинъ: это, пожалуй, могло бы повести къ тому же, къ чему привело въ Германіи, — къ обмѣрщеванію богословской науки, а за нею къ матеріализаціи всей мысли и къ оскуденію идеализма.

проблесками чистыхъ стремленій къ охраненію интересовъ вѣры и нравственности (каковыя стремленія мы считали долгомъ справедливости повсюду отмѣчать, которыхъ искали, по которыхъ, — увы! — находили немного), — рядомъ съ этими стремленіями повсюду бросаются въ глаза какіе-то страшные „компромиссы безвѣрія съ суевѣріемъ“, какъ говорилъ покойный П. С. Аксаковъ, и невообразимая перепутанность сферъ духовной и свѣтской, интересовъ религіозныхъ и культурныхъ, — „помѣсь религіозныхъ стремленій и мірскихъ вожделѣній“, какъ правдиво и мѣтко выражено въ недавнемъ, всѣмъ извѣстномъ, нашемъ церковно-государственномъ документѣ. Международныя отношенія, политическія и социальнo-экономическія движенія, борьба классовъ и партій въ различныхъ ландтагахъ, палатахъ и т. д., — все это переплетается съ религіозными интересами, часто принимаетъ характеръ и видимость борьбы за вѣру, за свободу религіозной совѣсти, за духовные интересы человѣчества, вслѣдствіе чего „религіозныя стремленія запада, какъ прекрасно сказано въ томъ-же документѣ, глубоко пропитаны политическими страстями и чужды духа религіозной терпимости“. Вотъ почему, непрестанно напоминая и твердя о своемъ соответствіи глубокимъ потребностямъ духовной человѣческой природы, задачамъ истинной культуры и идеаламъ свободы и просвѣщенія, западныя исповѣданія въ сущности въ корнѣ убиваютъ эту свободу: ибо сѣютъ въ умы сомнѣнія, напаяютъ волю вожделѣніями и страстями, питаютъ въ народахъ духъ взаимной нетерпимости и вражды, — а при этихъ условіяхъ о какой свободѣ и о какомъ свѣтѣ можно говорить? И вотъ мы видимъ, что, если на западѣ, среди этихъ кажущихся заботъ о духовномъ благѣ, о свободѣ и т. д., и осталась какая свобода, то развѣ лишь свобода перехода отъ вѣры къ невѣрію со всѣми его пагубными плодами, да еще, — увы! — свобода дерзкой клеветы на православіе и на Россію...

Среди этой хулы, которая достигаетъ иногда и до предѣловъ нашего отечества и здѣсь находитъ легкомысленные отголоски, православная Церковь стоитъ, какъ Христосъ на судѣ фарисеевъ и лицемѣрныхъ іудейскихъ первосвященниковъ, — смиренная, молчаливая, любящая, молящаяся за враговъ своихъ, молитвенно желающая соединенія перк-

вей и мира всего міра, увѣренная въ своей истинѣ и упо-
 вающая, что, какъ нѣкогда, вдохновивъ сыновъ Россіи на
 борьбу съ темными силами востока, она тѣмъ самымъ обез-
 печила западной Европѣ *внѣшнюю* безопасность, миръ и
 свободу для развитія культуры, такъ и впредь, если Господу
 будетъ угодно, она-же и только она одна можетъ озарить
 своимъ свѣтомъ темные углы западной мысли и жизни и
 возвратитъ ему такимъ образомъ миръ и свободу *внутрен-
 нія*, — миръ вѣрующей мысли, свободной совѣсти и истинно
 братолюбивой дѣятельности.

Въ охраненіи истинной вѣры и нравственности, —этихъ
 надежнѣйшихъ залоговъ, не только внутренняго, но и
 внѣшняго и даже международнаго мира ¹⁾ и мирнаго раз-
 витія истинной культуры, — заключается, по общему при-
 знанію, высокая миссія Россіи. Но сколь высоко ея исто-
 рическое предназначеніе, сколь исключительны вѣренныя
 намъ обѣтованія (предуказанныя даже и во внѣшнихъ, гео-
 графическихъ и историческихъ, условіяхъ нашего существо-
 ванія), столь-же грозны и прещенія за небреженіе и рав-
 нодупіе ко вѣреннымъ намъ дарамъ. „Слово Божіе, —
 такъ поучалъ недавно одинъ изъ нашихъ высокопросвѣ-
 щенныхъ іерарховъ, — говоритъ, что самъ Богъ разселяетъ
 народы по землѣ, возвышаетъ однихъ и унижаетъ другихъ
 въ видахъ Своего промысла о спасеніи людей. Въ
 этомъ смыслѣ особенно знаменательно изреченіе св. Апо-
 стола Павла: *отъ одной крови Богъ произвелъ весь родъ
 человеческій для обитанія по всему лицу земли, назна-
 чая времена и предѣлы ихъ обитанія, дабы они искали
 Бога, не ощутивъ-ли Его; хотя Онъ и недалеко отъ
 каждаго изъ насъ* (Дѣян. 17, 26. 27). Отсюда видно,
 что народы, болѣе способные къ богопознанію и просла-
 ленію имени Божія въ человѣчествѣ своими добрыми дѣ-
 лами, занимаютъ для своего обитанія страны болѣе удоб-
 ныя и благоприятныя для распространенія просвѣщенія и
 вѣры въ человѣчествѣ. Такъ всѣ христіанскіе историки
 согласны въ томъ, что положеніе Палестины, Греціи, Рима

¹⁾ Какъ это прекрасно раскрыто въ недавней лекціи графа Л. А. Коларовскаго: „Взглядъ на отношенія Россіи къ Европѣ“ (*Русская Мысль*, Августъ 1893 г.).

и другихъ странъ Европы съ ихъ народами Промысломъ Божиимъ нарочито предназначаемы были для распространенія христіанства. Такъ, мы вѣруемъ, что и наша Россія, занимающая седьмую часть свѣта и соприкасающаяся со многими различными народами, призвана Промысломъ Божиимъ для храненія святой православной Церкви и распространенія ея между другими народностями, не вѣдущими имени Христова. *И это не должно быть предметомъ нашей гордости, а благоговѣйнаго страха, и побужденіемъ для насъ къ преуспѣянію во вѣрѣ и благочестіи и тщательному исполненію нашего высокаго призванія* ¹⁾; такъ какъ по слову Спасителя, отъ народа подостойнаго *отнимется царствіе Божіе и дастся народу приносящему плоды его* (Мт. 21, 43). А за отъятіемъ царствія Божія и удаленіемъ народа отъ руководства церкви слѣдуетъ утрата Божія благословенія, нравственное его разложеніе и паденіе его государства, какъ бы оно ни *было велико* и по наружности могущественно ²⁾... Этимъ авторитетнымъ словомъ Высокопреосвященнаго оратора мы можемъ закончить и вмѣстѣ скрѣпить свои мысли о нашей идеальной религіозно-этической задачѣ въ ея отношеніи къ западной дѣйствительности.

Итакъ, дѣятельное стремленіе снискать для самихъ себя и даровать народамъ „даръ святой свободы“—свободы отъ страстей и низменныхъ интересовъ, „жизнь мысли“ и „миръ жизни“, какъ сказалъ незабвенный А. С. Хомяковъ: таковъ нашъ высокій идеалъ. Пусть-же теперь всякій, православный и русскій, спроситъ свое вѣщее сердце и оно подскажетъ ему, долженъ-ли онъ идти въ направленіи этого идеала или можетъ, какъ мы перѣдко дѣлали доселѣ, продолжать увлекаться мишурнымъ блескомъ западной культуры съ ея призраками ложной свободы, отвлеченной и потому безсильной науки, отупляющаго труда и развѣдывающей, братоненавистной погони за „капиталомъ“...

¹⁾ Курсивъ нашъ.

²⁾ *Вѣра и Разумъ* № 16 1893 г., стр. 196—7, изъ Слова Высокопреосв. *Амеросія*, архієпископа Харьковскаго.